

DOI: 10.17223/19986645/45/17

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНОЕ, ИМПЕРСКОЕ, КОЛОНИАЛЬНОЕ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»
(г. Томск, Томский государственный университет,
22–23 сентября 2016 г.)¹**

22–23 сентября 2016 г. в Томском государственном университете на базе филологического факультета прошла международная научная конференция «Национальное, имперское, колониальное в русской литературе». Тематика конференции была ориентирована на обсуждение роли, характера и инструментов русской литературы в отражении и моделировании имперско-колониального и нациестроительного опыта на разных этапах культурной эволюции (домодерный, модерный и постмодерный). Работа конференции была организована по трем секциям: «Русская литература в системе имперской культуры»; «Этническое многообразие страны и стратегии его репрезентации в русской литературе»; «Имперский опыт русской литературы в сравнительном контексте».

Первую секцию «Русская литература в системе имперской культуры» открыл доклад **О.Б. Лебедевой** (ТГУ, Томск) «*Национальное, имперское, колониальное как фактор частной жизни: послание В.А. Жуковского «К Воейкову»*», в котором речь шла о включении уровней геополитики в личную жизнь лирического героя, чему способствовал синтетизм жанровой структуры, включающей: *дружеское послание* (частная жизнь, малая родина), *одический географический мир* (большое отечество), репрезентированный через биографию адресата, *реминисценции национально-освободительных войн* (половцы, татаро-монголы, Наполеон), *колониальные и фольклорные мотивы* (Кавказ, русский былинный эпос), *творческая лаборатория поэта-романтика* (реминисценция старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев», эскиз образности замысленной поэмы «Владимир»); на всех этих уровнях лирические и эпические элементы структуры находятся в постоянном взаимодействии.

В докладе **Т.Т. Гузаирова** (ТУ, Тарту, Эстония) «*Путешествие великого князя Александра Николаевича и В.А. Жуковского по России в 1837 г. Освоение империи: личные впечатления pro et contra газетные отчеты*» было исследовано столкновение разных точек зрения и типов рассказа о путешествии цесаревича Александра Николаевича по России в 1837 г. Объекты исследования: эго-документы (дневник Жуковского, пометы поэта на путеводителе, письма великого князя Николаю I) и тексты официальной культуры: газетные отчеты из «Северной пчелы», «Московских ведомостей», поэтические тексты

¹ Государственное задание на выполнение НИР № 2059 «Изучение историко-культурного наследия России (Сибирский аспект)»

и др. В докладе были рассмотрены типы репрезентации отношений между наследником престола и подданными, выделяется и анализируется лейтмотивная, стилистическая, идеологическая структура, охарактеризован напряженный заочный диалог между цесаревичем, его наставником и средствами массовой информации о сущности и характере выражения патриотизма.

Целью **В.С. Киселева** (ТГУ, Томск, Россия) в докладе «*В.А. Жуковский и институты имперской пропаганды (по материалам неопубликованной переписки с великим князем Александром Николаевичем 1848–1852 гг.)*» было проанализировать один из репрезентативных эпизодов развития российской официальной пропаганды, проследить перипетии и следствия подобного высочайшего патронажа, проливающего новый свет на творческую историю политических статей Жуковского 1848 г.. («Письмо русского из Франкфурта»; «Письмо к Петру Андреевичу Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»). Принципом допуска этих статей до широкого читателя была максимальная близость к официальной позиции и обобщенная позиция верноподданного, не допускающая конкретных деталей в изображении и оценке адресата, героев или обстоятельств. Но В.А. Жуковский искал иных, не столь зависимых от официальной пропагандистской политики, каналов, которыми стали публикации в немецких изданиях. Все они были анонимными, что соответствовало принципиальной позиции писателя, с одной стороны, не выступать от лица двора, о связях с которым Жуковского было известно в немецкой журналистской среде, а с другой – соблюсти дистанцию по отношению к обсуждаемому вопросу, представляя некую типичную точку зрения русского человека в Германии. Так выстраивалась целая лестница форматов, раздвигавших границы официальной пропаганды и увеличивавших пространство публицистической свободы. Ресурсы жесткой патронажной системы, кружковой литературной коммуникации и профессиональной зарубежной журналистики представляли В.А. Жуковскому поле лавирования.

В докладе **А.С. Янушкевича** (ТГУ, Томск, Россия) «*Особенности имперского текста В.А. Жуковского (идеология и культуртрегерство)*» был комплексно рассмотрен ряд репрезентаций колониального текста В.А. Жуковским в русской культуре: здесь произведения поэта и его служба при дворе, переписка с императорской семьей, публицистика и пр. В орбите этого диалога не только исторические события, но и важнейшие факты развития культуры: в них не только В.А. Жуковский анализирует события и рассказывает о происходящем, но и выступает в защиту гонимых, униженных, несправедливо обвиненных. Колониальный текст Жуковского невозможно рассматривать узко и односторонне как некое собрание высказываний на общественно-политическую тему, раскрывающих его суждения о самодержавии и политике императора Николая I. Для него как великого русского поэта важно было сделать его органической частью мировой культуры.

В докладе «*Карамзин-идеолог: «О древней и новой России» и проблема критики верховной власти в России*» **М.Б. Велижев** (ВШЭ, Москва, Россия) задается вопросом, писал ли Карамзин свою «записку» с расчетом на непосредственное знакомство с текстом Александра I или же главными читателями трактата он считал вел. кн. Екатерину Павловну и герцога Георгия Ольденбургского (и, таким образом, оказался невольным участником политиче-

ской интриги Екатерины Павловны, частью которой и стало вручение записки императору). Структурно жест Карамзина выглядел как чисто республиканский (открытое обличение монарха поверх каких бы то ни было придворных норм), но содержательно фиксировал позицию «большого роялиста, чем сам король», упрекавшего царя в излишней склонности к реформаторству. Резкий по своим интонациям и выводам текст контрастировал со стилистическими и риторическими нормами жанра особых записок на имя членов императорской семьи, принятыми в придворной среде. В свете тех текстов, которые Карамзин поместил в альбом, переданный Екатерине Павловне 24 ноября 1811 г. (т.е. уже после мартовской истории с передачей записки царю), он снабдил великую княгиню и культурным кодом, с помощью которого следовало расшифровывать смысл его политического послания. М.Б. Велижевым делается предположение, что Карамзин таким образом истолковывал собственный жест – открытую критику действий монарха, обращенную непосредственно к властителю (в частности, через отсылку к сюжету оперы Метастазо «Фемистокл»).

В докладе **Н.Е. Гениной** (ТГУ, Томск, Россия) «Образ русской провинции в творчестве князя В.Ф. Одоевского» было рассмотрено, как включен этот образ в систему размышлений писателя о категориях национального. Провинциальный хронотоп выстраивается практически по законам сказки (подобно отдаленному «некоторому царству-некоторому государству», существующему в рамках устойчивого «жили-были»), что позволяет ему постоянно колебаться между реальным и фантастическим планами. Провинциальный сюжет, снижая классическую концепцию романтического двоемирия, переводит ее в сатирический план.

Е.Г. Новикова (ТГУ, Томск, Россия) в докладе «Россия как восточная империя: Карл Маркс, евразийцы и Ф.М. Достоевский» показала, как отношение Карла Маркса к Российской империи и «восточный вопрос» Ф.М. Достоевского вступают в своеобразный незримый (или «большой») диалог. В его основе – представление о России как «Азии», «Востоке»; но принципиальная разница не только в оценке этого явления (отрицательного у К. Маркса, положительного у Ф.М. Достоевского), но, прежде всего, в их исходных позициях. Проблематика К. Маркса – «дипломатическая история», политика, исторический и политический генезис России как «азиатской империи». Апелляция Ф.М. Достоевского к имперским ценностям осуществляется, чтобы поставить вопрос о христианстве – «восточном христианстве». Контекст, заданный К. Марксом, позволяет вывести проблематику «восточного христианства» у Ф.М. Достоевского на уровень современных ему судеб христианства вообще: «злой дух революций» и «социализм» – это «новая антихристианская вера». Антихристианскую же веру, по мысли писателя, может остановить только истинное христианство.

Шамма Шахадат (Университет г. Тюбинген, Германия) в докладе «Русская империя как семейное пространство» рассматривает, как в России XVIII–XIX вв. происходит перелом в эмоциональном репертуаре не только отдельных семей, но и царской семьи, т.е. как формируется эмоциональный кодекс поведения на уровне власти, в императорской семье, и какие цели при этом преследуются, поскольку царская семья задает модель поведения для

остальной части общества. Докладчик обратился прежде всего к официальной фамиларизации и интимизации русских царей в XVIII–XIX вв., исследовав, как императорская семейная модель вмешивается в маленькую семью, как царь выступает не только в роли *pater familiae*, но и в роли *pater patriae*. Это было показано на двух примерах: во-первых, на примере отношений между царем и поэтом, когда царь пытается эмоционально вовлечь поэта в свою императорскую семью (Жуковский), в свой императорский проект (Пушкин), или вернуть его туда (Чаадаев), во-вторых, на примере того, как царь внедряется в «дефектную» семью, глава которой отсутствует, как в случае с семьями декабристов.

Е.Н. Пенская (ВШЭ, Москва, Россия) в своем докладе «Концепция русской/советской/европейской истории и ее идеологическое оформление в работе издательства «Советский писатель» (1930–1960-е годы)» на широком материале архивных данных развернуто показала последовательность и специфику формирования концепции истории в перипетиях идеологического госзаказа издательства (система документов и планов) и эстетических форм художественного решений.

В.В. Мароши (НГПУ, Новосибирск, Россия) в докладе «Россия как Великая монгольская Империя в современной отечественной литературе и публицистике» охарактеризовал четыре линии отношения современного русского Имперского проекта к Монгольской империи. Первая, обращенная в прошлое, линия «Евразийского единства» или имперской преемственности (традиция наследования проекта Великой империи): В. Отрошенко. «Дело об инженерском городе» (2004); В. Рыбаков, И. Алимов. «Евразийская симфония» (2000–2005); П. Крусанов. «Ворон белый» (2013). В произведениях второй линии предлагается сюжет не завоевания, а «поглощения»: происходит полное включение «Монголии» в «ордынскую» Русь или скифское евразийское образование: Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. «Империя» (2012); А. Бушков. «Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы» (2005); Ю.Д. Петухов, Н.И. Васильева. «Евразийская империя скифов» (2008). Отрицается само историческое существование либо монголов, либо Монгольской империи, они становятся частями исторической Московской Руси или Великой Скифии. Линия **исключения** связана с тем, что Монголия или часть России полностью находятся в сфере влияния Китая и в будущем Российской империи нет места Монголии или ее историческому кочевому проекту (А. Проханов. «Пятая Империя»; М. Юрьев. «Третья Империя»; В. Сорокин. «День опричника»). Другая линия обращается к сюжету **появления сильного властителя**, который может восстановить Империю (В. Берязев. «Знамя Чингиса» (1992); В. Слипечук. «Чингис-хан» (1964–2011); С. Волков. «Чингисхан» (2010).

Т.Л. Рыбальченко (ТГУ, Томск, Россия) в докладе «Черты лимитрофного пространства в образе имперской России в романах М. Шишкина» были рассмотрены свойства лимитрофного социокультурного пространства, находящегося под имперской властью (завоеванного, этимологически-провинциального), пограничного, с одной стороны, по отношению к европейской цивилизации; с другой – по отношению к народам неевропейской цивилизации (Поволжье, Северный Кавказ, Чечня). Имперские интенции

России не усиливают, а подрывают органичность национальной жизни, подобно имперским интенциям любой нации (Персии и Древней Греции, Древнего Рима и наполеоновской Франции). Поэтому выявляется и внутрисоциальный аспект имперского принципа – подавленность народной жизни государством, равно как и насильственные цивилизационные проекты государственной власти. Разрыв «низов» и «верхов» создаёт ситуацию противостояния народа, частного человека – и власти, антиномию двух чуждых и не способных к пониманию укладов. В романах М. Шишкина прочитывается усиление контраста в изображении низовой жизни: в первом романе провинция при всей её энтропийности спасает от насилия системы, в последующих романах усиливается враждебность низовой антикультуры существованию личности.

Секция «**Этническое многообразие страны и стратегии его репрезентации в русской литературе**» была открыта докладом **И.А. Поплавской** (ТГУ, Томск, Россия) «*Сибирь в рецепции лицеистов пушкинского выпуска*», в котором были представлены разные идеологические, эстетические и поведенческие концепции, связанные с пребыванием в Сибири лицеистов А.Д. Илличевского, Ф.Ф. Матюшкина, И.И. Пущина, В.К. Кюхельбекера.

Н.В. Хомуком (ТГУ, Томск, Россия) в докладе «*Барочная стратегия репрезентации кавказского колониального текста в романе В.Т. Нарезного “Черный год, или Горские князья”*» было указано, что В.Т. Нарезный использует сатирико-игровую форму «колониальности», в которой художественно инвертируются субъект и объект колонизации. В сюжете «Черного года» колониальный объект имитирует (разыгрывает) колониального субъекта (самозванство). В сюжетной линии главного героя Кайтука происходит смена ролей, выражающая их условность. Отношения Я с Другим превращаются в отношения Я с ролью (которая есть Другой, но и зеркало Я). В систему отношений власти-подчинения у Нарезного включаются важные составляющие: социальное положение, национальная принадлежность, религиозные воззрения. Личность начинает их самовольно использовать как игровые формы самоидентичности. Происходит барочное переворачивание объекта власти в субъекта власти, и наоборот.

Э.М. Жиликовой (ТГУ Томск, Россия) в докладе «*Толстовская трилогия о Кавказе (“Казаки”, “Кавказский пленник” и “Хаджи Мурат”)*» были проанализированы три хронологических этапа в обращении писателя к этой теме: 1) 1851–1862 гг. – время пребывания Толстого на Кавказе, непосредственное участие в военных действиях («Набег», «Рубка леса») и завершение этого этапа – написание повести «Казаки»; 2) 1872 г. – создание рассказа «Кавказский пленник»; 3) 1896–1904 гг. – время работы над «Хаджи-Муратом». Таким образом, в художественном мире Толстого образ Кавказа прошел глубокую и сложную эволюцию, прочертив движение нравственной и эстетической позиции писателя от пронизанного глубоким уважением и сочувствием изображения кавказских горцев как несколько идеализированных типов к пониманию их общечеловеческой природы и, наконец, возведению образа героя кавказской истории в ранг человека, в судьбе которого нашли отражение важнейшие особенности русской жизни конца XIX в.

В докладе **К.В. Анисимова** (Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия) «*”...В разорванной кибитке, посреди кур и добрых башкирцев”. Л.Н. Толстой инвертирует европейский ориентализм (творчество и житнетворчество в башкирской степи)*» конкретизируется значение поездок Толстого в Поволжье и Приуралье в 1862 и 1871–1881 гг. в общем контексте идеологии, символической жестикюляции и повествовательной поэтики романиста. Быт башкир привлекается романистом в качестве инструмента для критики главных положений ориентализма и европоцентризма XIX в. (знания-власти, письма как знаковой подмены и «отражения» реальности, символов доминирования и гибридизации). В фокусе анализа оказываются житнетворческое поведение, материализующее отвлеченный знак в непосредственности и «телесности» жеста, а также нарративные практики (в качестве примера привлечен роман «Анна Каренина»), в которых «неназванные» башкиры приближаются к миру героев, олицетворяющих «живую жизнь».

Е.К. Созина (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург, Россия) в докладе «*Между чуваш, татар, мордвы: репрезентация Восточной России в казанском журнале “Заволжский муравей”*» показала, как этнографическая и историко-географическая составляющие проявляют своеобразие и значение этого журнала в истории отечественной журналистики и в становлении этнографии. Материалы, опубликованные в «Заволжском муравье», позволяют реконструировать портрет Заволжского края, лежащего между Европой и Азией, в «зеркале» журнального дискурса и соотнести его с ориенталистской и постколониальной критикой нашего времени.

Л.Н. Сарбаш (ЧГУ, Чебоксары, Россия) в докладе «*Инонациональное в русской литературе и публицистике XIX в.: рецепция полиэтноконфессионального Поволжья в творчестве русских писателей*» раскрыла, что инонациональное российское в русском литературном процессе XIX в. предстает в нескольких ракурсах: нерусское как религиозно-мифологическая этнография, нерусское в типической характерологии времени как социальная этнография и как философское осмысление ментальных основ жизни, духовно-нравственного опыта и ценностного мира разных народностей.

В докладе **А.Е. Козлова** (НГПУ, Новосибирск, Россия) «*Травелог как социальный и идеологический проект XIX в. (на материале журнала “Русский вестник”)*» были выявлены типичные повествовательные особенности и имагологические образы, а также влияющие на них социальные и идеологические контексты и стереотипы (например, Азия – чужое, прошлое, Европа – свое, настоящее, Америка – будущее). В докладе было сделано предположение о том, что травелоги «Русского вестника» утверждали не уникальность имперского пространства, а, напротив, были направлены на утверждение общей идентичности.

В докладе **К.О. Смола** (Университет Грайфсвальда, Германия) «*Нативная поэтика постколониальных литератур Севера: поздне- и постсоветский период*» был рассмотрен феномен нативного текста в творчестве хантыйских и ненецких писателей (Еремей Айпин, Анна Неркаги, Юван Шесталов и др.) как исторический симптом и одновременно перформативное выражение постколониального письма, как парадокс одновременной находимости текстов

внутри и вне имперального дискурса, что порождает противоречие между зависимостью и критической дистанцией.

Е.К. Чхайдзе (*Рурский университет, Бохум, Германия*) в докладе «*Советские осколки: национальный дискурс и его роль в постсоветской “деколонизации”*» указывает на возникновение в русской литературе постсоветского периода изображения лояльных отношений между народами бывшего СССР и противоположной тенденции «деколонизации» или высвобождения из модели межнациональных отношений, обусловленной в своё время идеологией «дружбы народов». На множестве разнообразных примеров проанализированы способы отражения постсоветской «деколонизации».

Секцию «**Имперский опыт русской литературы в сравнительном контексте**» открыл доклад **Н.Е. Никоновой** (*ТГУ, Томск, Россия*) «*Стратегии осмысления и издания русской литературы на иностранных языках как инструмент моделирования нациестроительного опыта: немецкие сочинения классиков XIX в.*», в котором была актуализирована проблематика литературного полилингвизма русской классики, в частности русско-немецкий художественный билингвизм, чему способствует составление и издание корпуса немецких автопереводов и сочинений В.А. Жуковского.

Гезине Древис-Сылла (*Университет Тюбингена, Германия*) в докладе «*Поэтическая картография Африки: Л.С. Сенгор и Н.С. Гумилев*» показано, что для африканского поэта его родина Сенегал – одна из центральных тем его поэзии («Образы Эфиопии» 1956 г.). Гумилев узнал Африку лишь как путешественник (цикл стихов «Шатёр»). При всем различии произведений Гумилева и Сенгора, и в форме и в языке находятся некоторые поразительные сходства. Гумилев и Сенгор вызывают к panaфриканскому мифическому прошлому Африки, оба прибегают при этом к похожим фигурам или источникам материала. У обоих, например, находятся ссылки на царицу Савскую, на Египет, на короля зулусов Чаки, на Конго, на библейские источники, в равной мере как и на классические формы. Лирика обоих описана такими терминами, как метонимия, анаграмматика, поливалентность, двойной смысл писания. У обоих лирическое «я» и автор состоят в почти симбиотических отношениях. Оба воспроизводят Африку как райский контраст к Европе, ставят собственную родину в метонимический ряд с Эфиопией и континентом Африка. Оба создают поэтическую космогонию Африки, рассуждают о роли поэта и видят в ней своего рода пророка континента. Оба стремятся придать Африке собственный голос, наделяя ее при этом атрибутами божественности, богатства или дали. В конечном итоге у обоих присутствует слияние фантазий и выравнивание Африки и Европы. У обоих речь идет о форме освобождения от опыта европейской современности. Но у Гумилёва говорится об отсутствии, а у Сенгора о наличии. Гумилёв ищет поэтическое описание Африки, которую он при всей идентификации удаляет в недостижимость потерянного рая. Сенегалец Сенгор, напротив, сближает Европу с Африкой. У Гумилева можно найти поэтические попытки вернуть Африке свой поэтический голос, но который все-таки моделируется по логике колониального дискурса. Голос, обретенный Африкой, с одной стороны, служит причиной децентрации европейского субъекта, с другой же стороны, остается одной из колониальных логик. Африка Сенгора, напротив, отмечена гармонией и веч-

ным возвращением, мифическое прошлое сливается с современностью и становится центральным местом, политически действенным в современности.

С.Н. Степура (ТПУ Томск, Россия) в докладе «*"Имперский архив" России в романе Дж. Джойса "Улисс"*» указывает, что в таких эпизодах романа, как «Телемах» (1), «Циклопы» (12), «Цирцея» (15), писателем открыто рассматриваются вопросы британского империализма и ирландского национализма. В эпизоде «Итака» (17) Дж. Джойс напрямую не обращается к вопросу колониальных отношений Великобритании и Ирландии, но организацией повествования как серии несвязанных эмпирических фактов «Итака» имитирует структуру, посредством которой знание о колониальных территориях организовывались и распространялись в пределах Британской империи в XIX и начале XX в. Предполагая, что мир может быть воспроизведен как серия бесспорных и разрозненных фактов, «Итака» принимает форму «имперского архива» – воображаемой репрезентации идеального хранилища знаний, посредством которого разнородные данные об империи могут быть востребованы и систематизированы. Джойс разрушает форму архива, чтобы предложить неуловимую критику имперской эпистемологии, которая конструирует колониальное пространство как статичную организацию знания, происходящую из властных отношений имперского правления. «Итака» представляет собой квинтэссенцию всего имперского и антиимпериалистического в романе. Если сложить немногочисленные русские аллюзии, рассеянные по всему тексту «Улисса», так или иначе связанные с морскими путями, то образуется личный «имперский архив» России, где текст «Улисса» – своеобразная «Итака» всего романа, а русские аллюзии – серия несвязанных эмпирических фактов, создающих имперскую структуру России, являвшейся частью имперской системы мира.

Сузанне Франк (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия) в докладе «*Проект многонациональной советской литературы как проект мировой литературы и его эффекты*» попыталась взглянуть на советскую многонациональную литературу как на концепт мировой литературы, выявить его любопытные аспекты в сопоставлении с актуальными теориями мировой литературы и впоследствии задаться вопросом об отличии советского проекта от этого концепта и о природе его «имперскости».

Статьи, написанные участниками конференции, будут опубликованы в ближайших номерах журнала «Имагология и компаративистика» (<http://journals.tsu.ru/imago/>).

Н.В. Хомук

INTERNATIONAL ACADEMIC CONFERENCE "THE NATIONAL, THE IMPERIAL AND THE COLONIAL IN RUSSIAN LITERATURE" (Russian Federation, Tomsk, Tomsk State University, September 22–23, 2016)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 45. 225–232. DOI: DOI: 10.17223/19986645/45/17

Nikolay V. Khomuk, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: homuk1@yandex.ru